

Здесь... где это? Почему вокруг сплошная темнота?

Шериль попыталась открыть глаза, но обнаружила, что совершенно не может контролировать своё тело. Иначе говоря, у неё вообще не было ощущения тела.

Внезапно перед глазами (хотя какое могло быть ощущение глаз?) возникли какие-то картины, изображавшие всю жизнь существа по имени Шериль.

Самые первые воспоминания были очень туманными: словно в старом черно-белом телевизоре, звук и картинка прерывались, а в дымке виднелись очертания дворца. Образы продолжали сменяться то тут, то там, постепенно становясь всё чь S*W clearer — яснее с течением времени.

Затем следовали самые обычные будни: готовка и игры вместе с Дилией, радостный смех и веселье с Юм, возня с деревенскими жителями. Чувства радости, гнева, печали и веселья непрерывным потоком лились с картинок, создавая полное ощущение, будто всё это происходило с ней самой.

Постепенно Сюэ Ли почувствовала, что её душа стала словно бы чуточку цельнее. Перед глазами уже не просто мелькало кино — она сама растворилась в происходящем, словно погрузившись в воспоминания.

Однако все воспоминания резко оборвались на вчерашнем дне. Последней сценой в памяти предстало то, как её мать отчаянно загораживает дорогу мужчине по имени Генри. Наложив на неё водную магию для создания защитного купола, мать велела ей бежать — бежать как можно дальше. Но от дома Юм прибежали двое здоровяков и преградили ей путь. Усилив себя магией, они безумно рубили защитный купол на её теле.

Она растерялась от столь внезапного нападения и воочию наблюдала, как продержавшийся около двух минут щит рассыпался на мелкие искры, словно разбитое стекло. Сквозь пелену ей слышался убитый горем голос матери...

Стоило ей пережить эти воспоминания, как видения внезапно исчезли без следа, и в пустой темноте осталась лишь Шериль в белых одеждах. Затем из уголков её глаз покатались две слезинки. С этого моменты Сюэ Ли стала Шериль, а Шериль стала Сюэ Ли: они слились воедино, не разделяя друг друга.

— Не бойся, я сделаю всё возможное, чтобы отомстить за нас, — пробормотала Шериль с плотно закрытыми глазами.

Словно услышав это обещание, хлынул огромный поток незнакомых душ, заполнив собой всё небо.

— Отомсти! Шериль, отомсти за нас!

— Ублюдок, почему ты до сих пор не умер?! Мы ведь все погибли, с какой стати?!

— Перед смертью я слышал: это из-за них, из-за матери с дочкой, сюда заявись та шайка магов!

— Жизнь за жизнь!

— Верно, жизнь за жизнь!

— Пусть она тоже испытает каково это — умирать!

— Вы сошли с ума?! Она же еще ребенок! Какое она имела отношение к этому?!

— Именно, вы рехнулись? Умерли сами, так еще хотите затащить Шериль с собой в могилу?!

...

Различные хаотичные волеизъявления парили в воздухе — в момент смерти истинная природа людей обнажалась во всей красе. Глядя на свирепые лица сельчан, которые при жизни казались ей донельзя мягкими и добрыми, Шериль лишь беззаботно улыбнулась: ей уже доводилось сталкиваться с подобным в прошлой жизни~ А вот семья старосты её немного удивила: они вовсе не винили её и даже заступились...

В тот самый момент, когда души в небесах, проигнорировав уговоры старосты, собирались перейти к действиям, хлынул мощнейший поток чистой души. Сильный, но не бурный, напротив — мягкий, как вода, он дарил странное ощущение возвращения в материнские объятия.

Слезы снова против воли покатились из глаз:

— Ма... мама...

Дилия в облике души пролетела мимо бесчисленных духов, сверливших её жадными взглядами, плавно опустилась перед Шериль и нежно обняла её.

— Прости меня, Шериль, это из-за мамы ты во всё это ввязалась. Не обращай на них внимания, ладно? Мама не хочет, чтобы ты была скована ненавистью. Свой дальнейший путь ты выберешь сама — путь, о котором не пожалеешь, — голос Дилии зазвучал в самом её устье.

Свой собственный путь.

Староста тоже выплыл вперед:

— Верно, Шериль. Пусть мы не можем выбирать способ смерти, то, как жить — это твоя свобода, и в этом заключается самое главное. Даже если нельзя умереть с улыбкой, можно по крайней мере жить, смеясь от души. Поэтому живи как следует, живи счастливее всех на свете и свободнее всех остальных.

Жить счастливее всех на свете, да? Услышав это, Шериль улыбнулась, повернулась к парящим в небе душам и произнесла:

— Сколько бы раз вы меня ни проклинали, сколько бы миров ни уничтожили эти руки... Мой мир невозможно сокрушить!

Слушая слова Шериль, Дилия слегка улыбнулась:

— Раз уж ты сделала свой выбор, Шериль, тогда мама преподнесет тебе еще один подарок~

С этими словами Дилия развернулась и бросилась навстречу бесчисленным душам. Битва разгорелась мгновенно, и вслед за ней пришла страшная, едва ли не раскалывающая мозг боль. Шериль чисто и решительно потеряла сознание.

А битва в небе не утихала. Ни одна душа не могла противостоять атакам Дилии — она ворвалась туда словно тигр в стадо овец. Каждый разорванный дух превращался в сгусток энергии и устремлялся к рукам Дилии. В мгновение ока в живых осталась лишь семья старосты. Столкнувшись с теми, кто помогал ее дочери, Дилия на мгновение заколебалась, не зная, как нанести удар.

— Госпожа Дилия, не беспокойтесь, в конце концов, мы всего лишь души. Вместо того чтобы рассеяться над небесами и землей, лучше превратиться в силу Шериль и защищать её, — староста безмятежно улыбнулся и добровольно обратился в поток энергии, влившийся в руки Дилии.

Глядя на скопившийся в ладони энергетический шар, Дилия вздохнула:

— Эх, в виде духовного тела большего и не добиться, проклятие внутри всё равно не снять. Впрочем, для Шериль эта малость не должна стать проблемой — в конце концов, она моя... моя гордость, моя любимая дочь.

Вспомнив недавнее решение Шериль, уголки губ Дилии изогнулись в горделивой улыбке.

Что ж, на этот раз мама защитит тебя до конца твоих дней~

С этими словами Дилия вместе с энергетическим шаром превратилась в полоску света и ворвалась внутрь потерявшей сознание Шериль.

В полусне по телу прокатилась жуткая боль, сопровождаемая проклятиями, полными жгучей ненависти. Тело забилося в судорогах, а в ушах слышались всхлипывания Юм.

Ощущая, как её тело из-за проклятия претерпевает необратимое истощение жизненных сил, она подумала: если это кармический груз, который я обязана нести, сколько бы раз ни потребовалось, я пронесу его сама. Ваши ничтожные мелочные проклятия — сколько бы их ни было, я приму их на свою собственную плоть.

Медленно открыв глаза и глядя на заплаканное личико Юм, Шериль мягко улыбнулась:

— Юм... ты вся заревела, прямо как чумакая кошка... Совсем некрасиво...

Погруженная в скорбь Юм услышала голос, который, как ей казалось, она больше никогда в жизни не услышит. Она замерла на мгновение, после чего её захлестнула безграничная радость. Сквозь слезы она просияла и проговорила:

— Шериль, ты в порядке... Слава богам! М-м, я обещаю... больше никогда не плакать, умоляю, не бросай меня... больше никогда не оставляй меня одну...

Шериль бережно обняла захлебывающуюся слезами девочку, протянула правую руку и ласково погладила Юм по голове, произнеся предельно мягким голосом:

— Прости меня, Юм, заставила тебя волноваться. Обещаю, я больше никогда не оставлю тебя одну. К тому же, когда хочется плакать — просто поплачь, когда хочется смеяться — от души посмейся. Когда ты заплачешь так, что станешь дурнушкой, я поплачу еще страшнее тебя; когда ты будешь животики надирать от смеха, я буду хохотать громче всех. Вот и всё. Так что можешь выплакаться вволю.

Говоря это, она левой рукой нежно поглаживала Юм по спине, а движения правой руки на голове становились всё мягче и ласковее. Словно мать, ухаживающая за плачущим ребенком — в этот момент Шериль излучала поистине материнское сияние.

На этой выжженной земле, запятнанной кровью и гарью, они крепко прижимались друг к другу, и их слезы смачивали чужие одежды.